

ЛАТНЫЕ ПЕРЧАТКИ ИЗ РАСКОПОК В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

А.Н.Каменский

GAUNTLETS FROM EXCAVATIONS IN VELIKY NOVGOROD

A.N.Kamenskii

Новгородский государственный музей-заповедник, kamenskiyan@gmail.com

В работе вводятся в научный оборот убедительные свидетельства знакомства жителей древнего Новгорода с боевыми элементами защиты кистей рук (латные перчатки). Пересматривается атрибуция ранее опубликованных археологических находок. Сделано предположение, что некоторые латные перчатки, свидетельства которых обнаружены в археологических напластованиях Великого Новгорода, могли являться предметами импорта. Датировка некоторых новгородских находок позволяет пересмотреть устоявшиеся представления о времени бытования аналогичных предметов в Западной Европе.

Ключевые слова: латные перчатки, средневековое вооружение, защитное снаряжение, доспехи

In this paper we present persuasive evidences of fact that mitten gauntlets were in use among the population of medieval Novgorod. The attribution of previously published archaeological finds is revised. It is suggested that some gauntlets found in the archaeological strata of Veliky Novgorod had been imported. Dating of some Novgorodian finds allows us to revise our view on the time of existence of similar finds in Western Europe.

Keywords: gauntlets, medieval weapons, protective clothing, armour

В отечественной историографии вопрос о происхождении и использовании в древнерусском комплексе защитного вооружения элементов защиты конечностей остаётся до сих пор плохо изученным. Недостаток фактического материала является одной из основных причин, затрудняющих работу исследователей. Ситуация усугубляется почти полным отсутствием письменных и изобразительных источников, хотя бы косвенно указывающих на возможность существования в древнерусском комплексе вооружения некоторых типов приспособлений для защиты конечностей. Следовательно, основным источником по этой теме является археологический материал.

В ходе анализа коллекции вооружения из фондов хранения и изучения археологических коллекций Новгородского музея-заповедника нами обнаружены бесспорные свидетельства, указывающие, если не на использование, то, по крайней мере, на знакомство жителей древнего Новгорода с такими элементами защиты конечностей, как латные перчатки. При написании данной работы мы привлекли ранее неизученные материалы и пересмотрели интерпретацию уже опубликованных находок. Большинство этих предметов уникально не только для новгородского региона, но и для всей территории Древней Руси. Для максимально достоверной атрибуции потребовалось привлечение широкого круга аналогий из материалов как прилегающих к новгородской земле территорий, так и территориально удалённых.

Данная статья подготовлена автором как часть совместной работы с Ю.А.Кулешовым по теме: «Защита конечностей в комплексе вооружения древнерусского воина по материалам Великого Новгорода».

Впервые в отечественной науке попытку изучения комплекса вооружения Великого Новгорода предпринял А.Ф.Медведев [1]. В его работе была предпринята максимально полная публикация коллекции предметов вооружения, найденных в ходе археологических раскопок в 1947—1948 гг. и в 1951—1956 гг. При рассмотрении фрагментов пластинчатых доспехов впервые были отмечены детали защиты конечностей [1, с. 178].

В том же 1959 году была напечатана его же работа, посвящённая истории пластинчатого доспеха на восточноевропейском пространстве с VII по XV в. [2]. В основу статьи легли археологические находки фрагментов пластинчатых доспехов из раскопок 1943—1957 гг. различных древнерусских городов и, прежде всего, Великого Новгорода. В этой работе, помимо уже опубликованных в статье «Оружие Новгорода Великого» элементов защиты конечностей, в научный оборот были введены ещё две важные находки, речь о которых пойдёт ниже.

В 1976 г. А.Н.Кирпичников в своей монографии, посвященной русскому военному делу XIII—XV вв., обращаясь к опубликованным А.Ф.Медведевым материалам, идентифицировал «часть металлической перчатки» [3, с. 36], пластинки которой А.Ф.Медведев ранее отнёс к деталям наруча середины XIV в. [2, с. 130].

В 1985 г. вышла из печати совместная работа А.Н.Кирпичникова и А.Ф.Медведева, в которой вновь сообщается о существовании частей от наручей или перчаток, найденных в Новгороде в слоях 1200—1250 гг. [4]. Пластинки, на которые ссылаются авторы [2, с. 127], вероятно, не являются деталями защитного

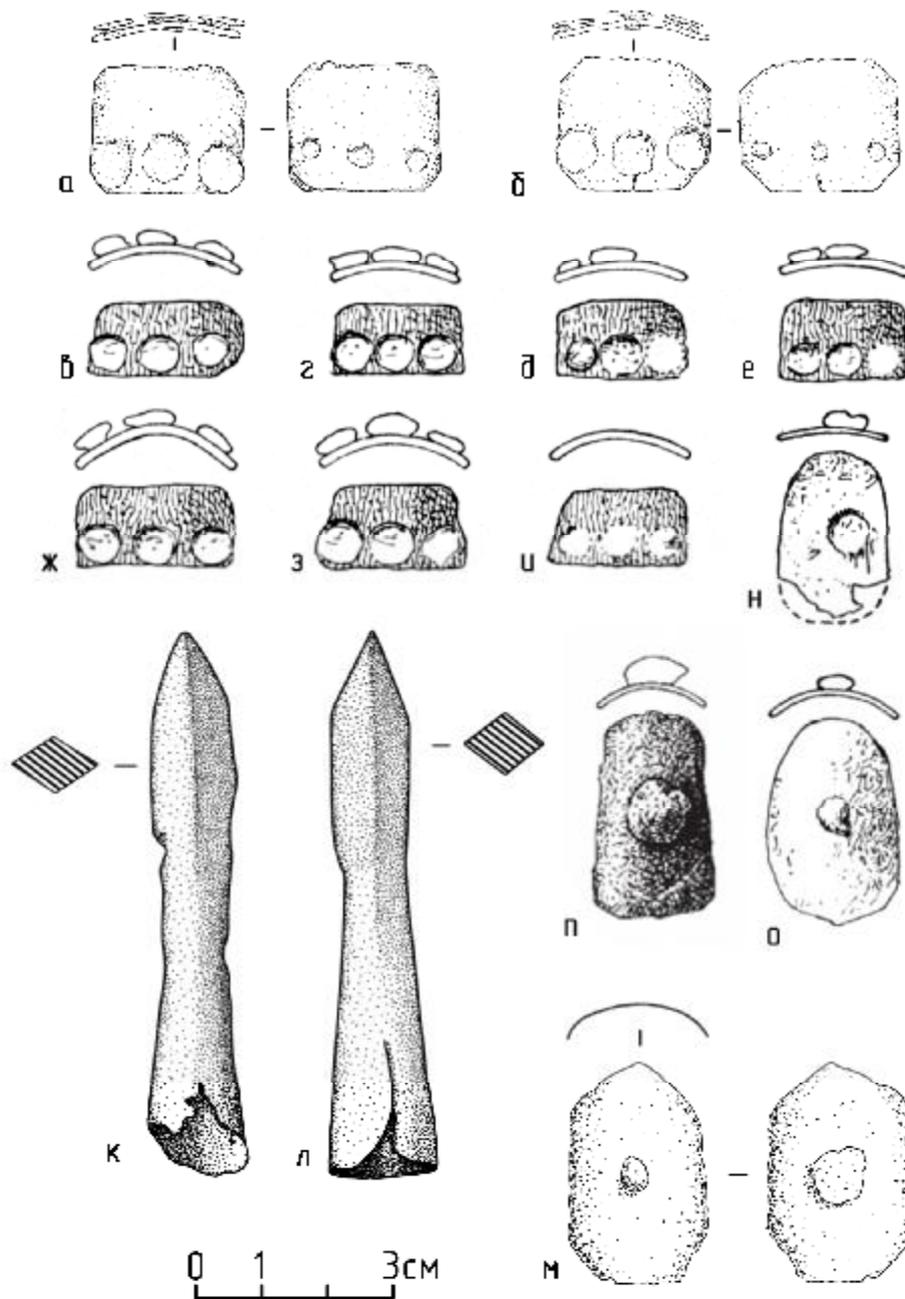

Рис. 1: а – Пластина от пальца латной перчатки. Новгород, Кировский (Славенский) раскоп. 1 пол. XIV в.;
 б – Пластина от пальца латной перчатки. Новгород, Кировский (Славенский) раскоп. 1 пол. XIV в.;
 в, г, д, е, ж, з, и – Пластины от пальцев латной перчатки № 2. Висбю. 2 пол. XIV в. (по Thordeman, 1939, Fig. 412, 1, 12, 32, 33, 40, 41, 51);
 к, л – Наконечники арбалетных стрел. Новгород, Кировский (Славенский) раскоп. 1 пол. XIV в.;
 м – Пластина от пальца латной перчатки. Новгород, Никитинский раскоп. сер. XIV – сер. XV вв.;
 н, о – Пластины от пальцев латной перчатки № 1. Висбю. 2 пол. XIV в. (по Thordeman, 1939, Fig.407, 7, 12);
 п – Пластина от пальца латной перчатки № 3. Висбю. 2 пол. XIV в. (по Thordeman, 1939, Fig. 422,2)

снаряжения для кисти. А.Ф.Медведев в статье «Оружие Новгорода Великого» определял эти пластинки как детали наручей или поножей [1, с. 178]. Некоторые современные исследователи также склонны относить их к деталям / фрагментам поножей [5].

В отечественной историографии, за исключением беглых упоминаний в выше указанных работах А.Ф.Медведева и А.Н.Кирпичникова, а также публикации, без описания детали пальца перчатки из Оль-

гинского раскопа в Пскове [6], работ по этой теме нет.

Можно ещё упомянуть небольшую заметку белорусского исследователя Ю.А.Заяца, в которой кратко рассмотрены находки деталей перчаток из археологического комплекса на р. Мене, замка в г. Дубровно и г. Орши (территория современной Белоруссии). К сожалению, незначительное количество находок этого типа снаряжения не позволило автору сделать какие-либо серьезные выводы [7].

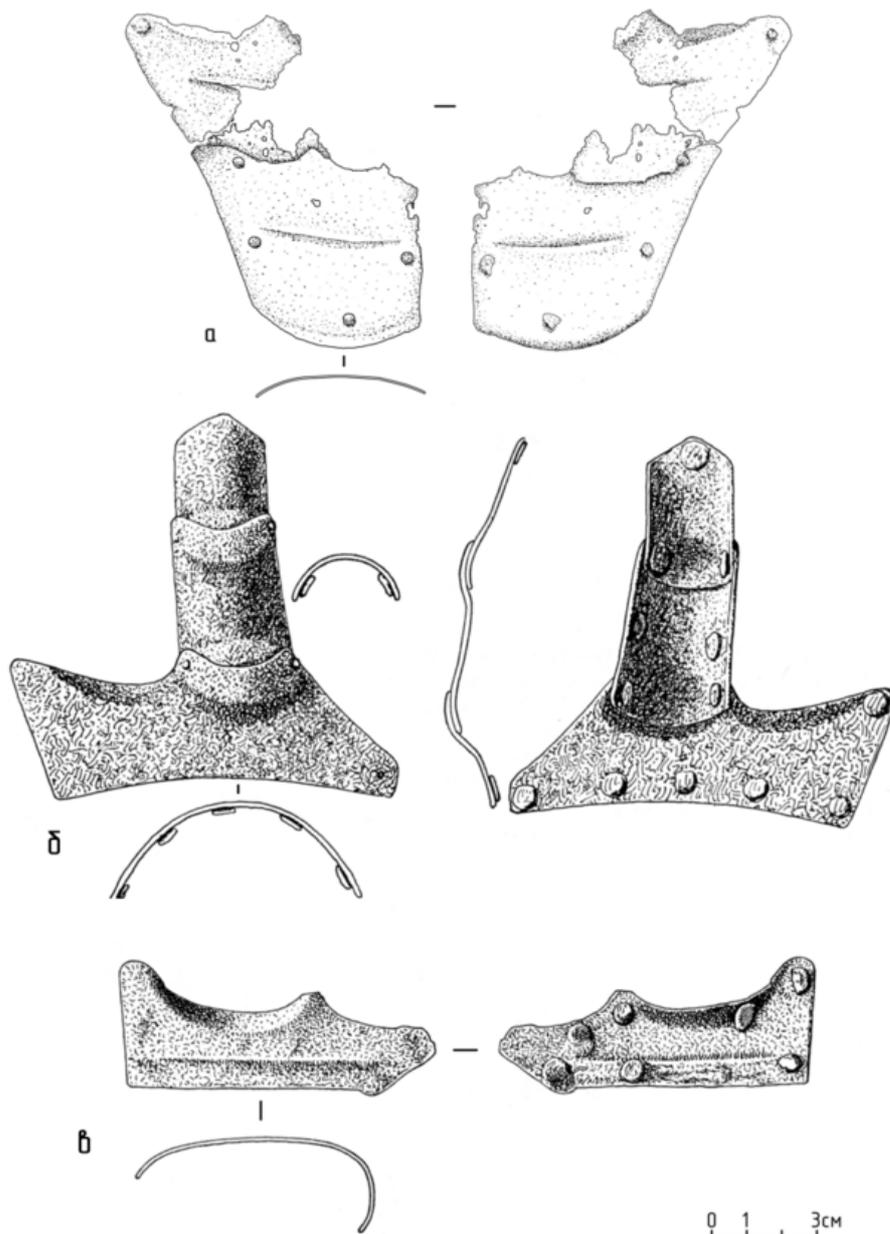

Рис. 2: а – Пластины латной перчатки, защищающие основание большого пальца. Новгород, Неревский раскоп. 1 пол. – сер. XIV в.;

б – Пластина латной перчатки № 3, защищающая основание большого пальца. Висбю. 2 пол. XIV в. (по Thordeman, 1939, Fig. 416,10);

в – Пластина латной перчатки № 4, защищающая основание большого пальца. Висбю. 2 пол. XIV в. (по Thordeman, 1939, Fig. 417,2);

Несколько лучше обстоит дело в зарубежной историографии. Первые публикации находок деталей перчаток, обнаруженных в замке Таннеберг, Германия, относятся к середине XIX в. [8]. Индивидуальные находки в 1-й половине XX в. происходят из Кугельсбурга, Германия, из замка Кюснах, Швейцария, из Ёрум и Борингхольма, Дания, из собора Кентербери, Англия, из Альсё Хус, а так же Лунда [9, р. 230-243] и братских могил под г. Визбю, Швеция [9, р. 414-434]. Из современных находок можно указать публикации фрагментов перчатки из замка Хюнен-

берг, Швейцария [10], деталей перчаток из арсенала замка Хербед, Германия [11], деталей перчаток из замка Чхув [12] и находки перчатки с поля битвы при Грюнвальде в Польше [13].

Тем не менее, немецкий исследователь М.Голль (Matthias Goll), который посвятил специальное исследование западноевропейским латным перчаткам, указывает, что в европейской науке история развития пластинчатых перчаток остаётся недостаточно изученной. Он также обратил внима-

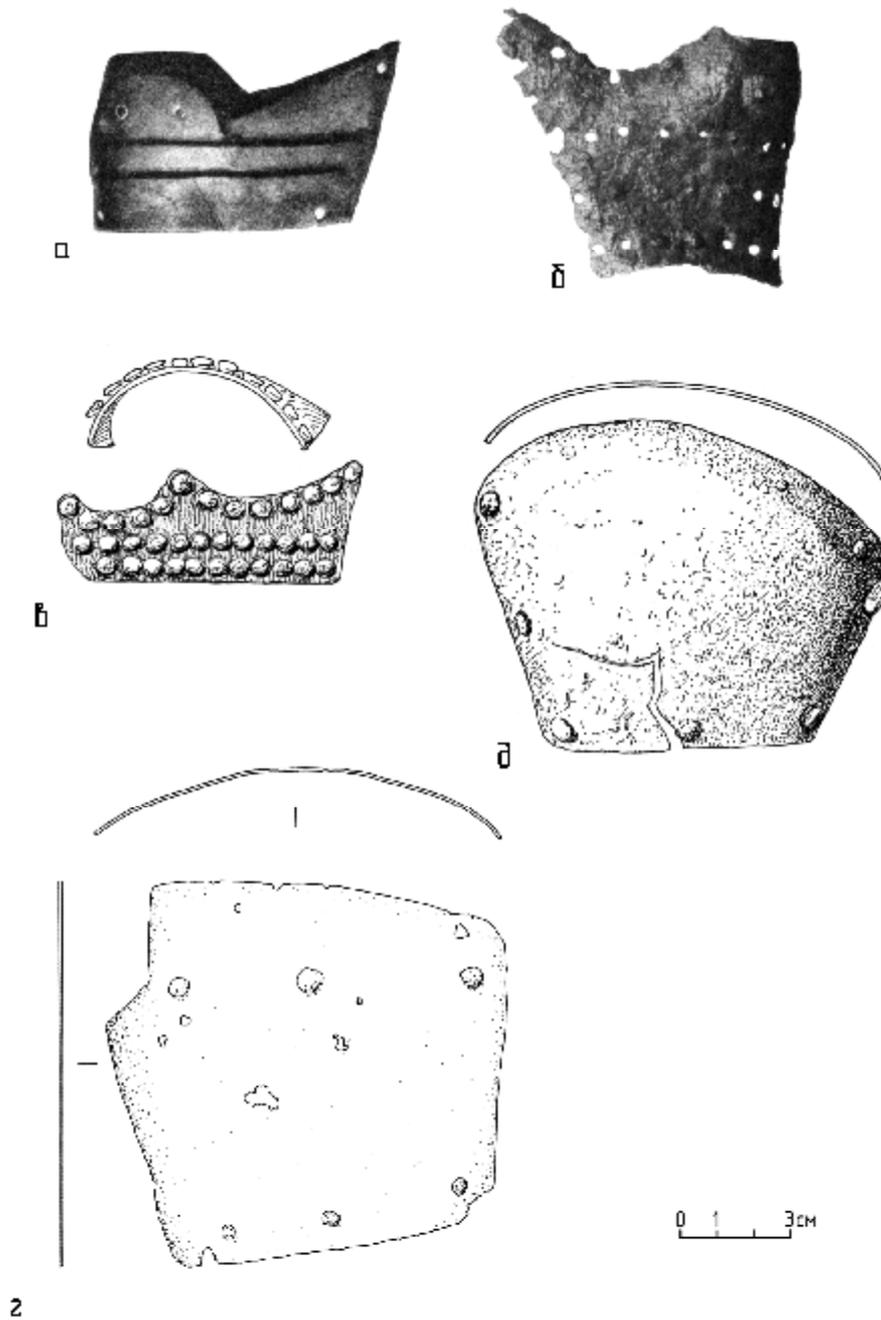

Рис.3: а – Пластина латной перчатки, защищающая основание большого пальца. Замок Кюсснах (по Thordeman, 1939, Fig.211);
 б – Пластина латной перчатки, защищающая основание большого пальца. Замок Борингхольм (по Thordeman, 1939, Fig.212);
 в - Пластина латной перчатки №2, защищающая основание большого пальца. Висбю. 2 пол. XIV в. (по Thordeman, 1939, Fig.412, 10.);
 г – Пястная пластина латной перчатки. Новгород, Неревский раскоп;
 д – Пястная пластина латной перчатки №1. Висбю. 1 пол. XIV в. (по Thordeman, 1939, Fig.407,2);

ние на то, что не существует всеобъемлющей работы, посвящённой истории защиты кисти [14].

Подводя итог краткому обзору литературы, отметим, что вопрос о происхождении и использовании в средневековом Новгороде элементов защиты кистей рук остаётся на сегодняшний день

практически неизученным.

При изучении фактического материала, хранящегося в фондах Новгородского музея-заповедника, нами было обнаружено несколько интересных пластинок, имеющих отношение к элементам защиты кистей рук.

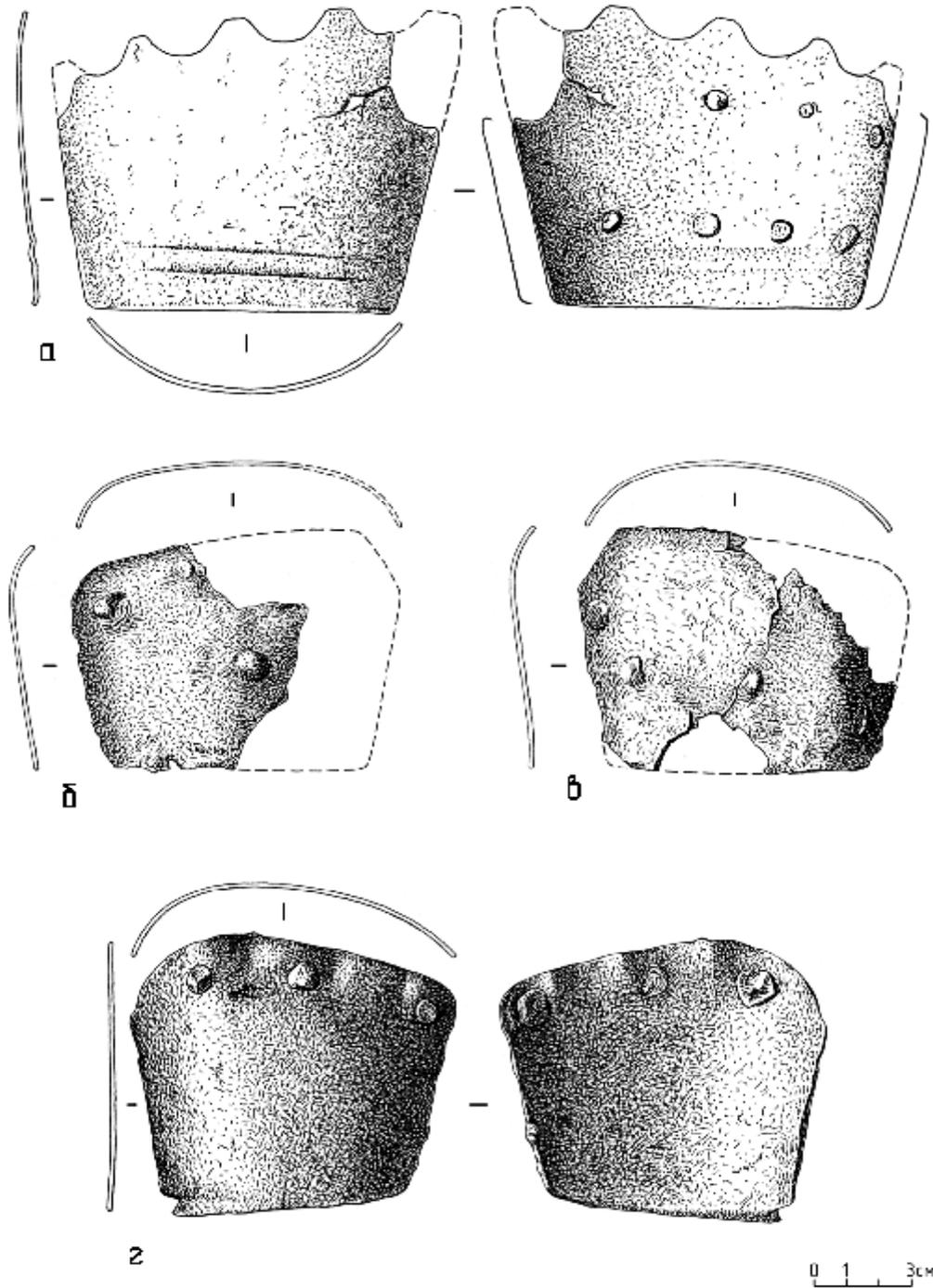

Рис. 4: а – Пястная пластина латной перчатки № 5. Висбю. 1 пол. XIV в. (по Thordeman, 1939, Fig. 418,1);

б, в – Пястные пластины латных перчаток № 6. Висбю. 1 пол. XIV в. (по Thordeman, 1939, Fig. 410,1,2);

г – Пястная пластина латной перчатки № 7. Висбю. 1 пол. XIV в. (по Thordeman, 1939, Fig. 421);

Первые две находки — подтрапещевидные пластины из чёрного металла с усечёнными углами и тремя заклёпками с широкими шляпками. Они найдены в соседних квадратах Кировского (Славенского) раскопа, в напластованиях, относящихся к шестому и седьмому строительным го-

ризонтам, датированным 1 пол. XIV в. [15].

Размеры первой пластины (НГОМЗ КП25060/А19-673, Н-1972, Кировский р-п, 21-3 № 538): высота 1,95 см; ширина 2,35 см; толщина — 0,05—0,1 см; высота заклёпок 0,2—0,25 см; зазор между шляпками заклёпок и поверхностью пластины

около 0,1 см; диаметр шляпок около 0,7 см (рис. 1, а). Размеры второй пластины (НГОМЗ КП25060/А19-674, Н-1972, Кировский р-п, 22-12 № 539): высота 2,03 см; ширина 2,4 см; толщина 0,05—0,1 см; высота заклёпок 0,2—0,27 см; зазор между шляпками заклёпок и поверхностью пластины около 0,1—0,19, диаметр шляпок 0,55—0,65 см (рис. 1, б).

Впервые данные пластинки упоминаются Б.А.Колчиным и Е.А.Рыбиной при описании предметов вооружения, найденных на Кировском (Славенском) раскопе в 1971—1974 гг. Тогда они были определены как «пластины от стального доспеха» [15, с. 224].

Сравнительно-типологический анализ находок позволил заключить, что ближайшей аналогией новгородским находкам являются пластины от защитной перчатки № 2, найденной в 1929 г. в братской могиле воинов, павших в битве при Висбю в 1361 г. [9, р. 422] (рис. 1, в, г, д, е, ж, з, и). Благодаря непотревоженности культурного слоя и хорошей сохранности находки из Висбю удалось установить достоверное положение большей части пластин в её конструкции. Подтрапечиевидные пластины, аналогичные новгородским, образовывали «пальцы» металлической перчатки и крепились при помощи заклёпок на внутренней поверхности матерчатой или кожаной основы. Новгородские пластины не сохранили следов основы, но, судя по зазору между шляпками заклёпок и поверхностью пластин, её толщина была равна 0,1—0,2 см.

Б.Тордeman (Bengt Thordeman), изучивший материалы из братских могил под Визбю, предполагал, что появление металлических перчаток с большим количеством маленьких пластин относится ко второй четверти XIV в. [9, р. 243]. Примечательно, что пластинки с Кировского раскопа в Новгороде залежали в слоях, относящихся к периоду не позднее 1 пол. XIV в. Можно предположить, что новгородские пластинки попали в культурный слой в промежуток между двумя пожарами 1311 г. и 1340 г. [15]. Это, в свою очередь, даёт нам некоторые основания предполагать более ранний генезис металлических перчаток с большим количеством маленьких пластин в Европе.

Вещевой комплекс Кировского (Славенского) раскопа изобилует западноевропейскими находками, что не раз было отмечено в научной литературе [16,17]. В слоях XIV в. обнаружены предметы, относящиеся непосредственно к импорту, в том числе указывающие на западное направление новгородской торговли: цветные металлы, янтарь, самшит, хрустальные вставки перстней, западноевропейские ткани. Кроме импортных материалов, необходимых для ремесленного производства, следы которого отчётливо фиксируются на раскопе, встречены находки исключительно бытового характера. Среди них предметы, обнаруженные при раскопках торгового двора иностранных купцов (Готский раскоп): керамика рейнского типа, металлическая оправа зеркала с изображением всадника, деревянные подсвечники с геометрическими знаками. Все эти обстоятельства позволили исследователям предположить возможность временного проживания иностранных купцов на тер-

ритории усадьбы [17]. Среди предметов вооружения в одном строительном горизонте с пластинами обнаружены бронебойные наконечники арбалетных стрел (рис. 1, к, л) (НГОМЗ КП25060/А19-11, Н-1972, Кировский раскоп, пл. 22, кв. 10 № 540; НГОМЗ КП25060/А19-12, Н-1972, Кировский раскоп, пл. 22, кв. 17 № 541). По типологии А.Ф.Медведева, они относятся к первой разновидности типа 8 втульчатых наконечников арбалетных стрел — лавролистный ромбического сечения [18], или к типу V, по А.Н.Кирпичникову [3, с. 71]. Аналогичный наконечник, датированный XIII—XIV вв., встречен среди материалов Готского раскопа [19]. А.Ф.Медведев отмечал, что наконечники этого типа встречаются преимущественно к западу от Новгородской земли: в Смоленске, Изяславле, Пскове, Друцке, Гродно, Риге, где датируются XIII—XV вв. [18]. При раскопках крепости Орешек около 48% арбалетных наконечников составляли наконечники этого типа, а в слоях 2 пол. XIV—XV вв. они являются доминирующими (более 50% от общего количества арбалетных наконечников стрел) [20]. Найденные при раскопках замка Отепя (Южная Эстония) аналогичные наконечники также датируются 2 пол. XIV—нач. XV вв. [21]. Кроме того, найденные в Новгороде наконечники имеют полное сходство с некоторыми наконечниками из братской могилы в Висбю [9, р. 124-125]. Датировка западноевропейских наконечников имеет ещё более широкие рамки. Б.Циммерман датировал наконечники, аналогичные найденным в Новгороде (тип T2-5), к кон. XII—XV вв., отмечая, что, возможно, это самый долговечный тип наконечников арбалетных стрел, исчезнувший только с появлением огнестрельного оружия [22].

Таким образом, опираясь на вышесказанное, у нас есть основания предполагать, что находка западноевропейского элемента защиты может быть связана с присутствием иностранных гостей на территории усадьбы. При этом надо учитывать возможность того, что, несмотря на многочисленные запрещения, некоторые предметы защитного снаряжения попадали в Новгород контрабандой из Европы [23] и могли принадлежать, по-видимому, состоятельному новгородцу.

Следующая пластина из Новгорода была найдена на Никитинском раскопе в 2002 г. (рис. 1 м) (НГОМЗ НВ 23293/пр. к А199-389, Н-2002, Никитинский р-п, 25 — вост. тр. № 21). Она имеет вытянутую семиугольную форму шириной 2,1 см; высотой 3,3 см, при толщине металла 0,05 см. Выгиб пластины продольный и равен 0,6 см. В центральной части изделия расположена заклёпка. Зазор между ней и внутренней частью пластины из-за наличия окислов без дополнительных реставрационных работ установить затруднительно. Высота заклёпки составляет 0,4 см.

Кроме самого факта присутствия в средневековых слоях Новгорода данной находки, нельзя уверенно сказать: является ли этот предмет импортом, или это продукт местных мастеров, относится ли он вообще к комплексу вещей из раскрытых усадеб, так как найден в траншее, из-за чего выпадает из архео-

логического контекста, и, как следствие, его датировка представляется затруднительной. По нашему мнению, очень высока вероятность того, что пластина могла попасть в культурный слой не ранее начала интенсивной застройки участка, что соответствует середине XIV в. [24, с. 38]. И, судя по глубине залегания (пласт 25), относится к ранним слоям «усадебного периода», датированного Г.Е.Дубровиным 40 гг. XIV — сер. XV вв. [24, с. 127].

Данная пластина так же, как и пластина с Кировского раскопа, вероятно, является деталью защитной перчатки. Такое предположение мы делаем, опираясь на аналогичные находки среди материалов из Висбю, где обнаружены схожие по морфологическим и конструктивным признакам пластины. Продолговатые пластины с заклёпкой в центральной части встречаются у перчаток № 1 [9, р. 417] (рис. 1, *н, о*) и № 8 [9, р. 431] (рис. 1, *п*).

Вероятно, в конструкции защитной перчатки пластина с Никитинского раскопа, по аналогии с находками из Висбю, располагалась на пальце кожаной или матерчатой основы/перчатки. Судя по характеру заклёпки, имеющей полусферическую шляпку на наружной поверхности пластинки и расклёпанное основание изнутри, можно достаточно уверенно говорить, что пластинка крепилась снаружи основы.

Очень интересной и сложной в атрибуции представляется находка, найденная на Неревском раскопе, состоящая из скреплённых между собой двух фигурных пластин фрагментарной сохранности (два фрагмента), идентифицированная А.Н.Кирпичниковым в работе 1976 г. как «часть металлической перчатки» [3, с. 136] (рис. 2, *а*) (НГОМЗ КП 35338-1388, Н-1957, Неревский р-п, 12-1499 № 9). Впервые эти пластины были опубликованы в 1959 г. А.Ф.Медведевым в работе «К истории пластинчатого доспеха на Руси» [2]. В публикации был предложен вариант графической реконструкции формы пластин. Однако из-за схематичности изображения была неверно передана форма сохранившихся частей, вследствие чего оказывается под вопросом и реконструкция утраченных элементов. А.Ф.Медведев и А.Н.Кирпичников датировали данную находку I пол. — сер. XIV в. [2, 3], а это значит, что хронологически она близка к находкам из Висбю, датированным не позднее 1361 г.

Первый из сохранившихся двух фрагментов представляет собой фигурную пластину с четырьмя сохранившимися аккуратными заклёпками по краям для фиксации подкладки или несущей основы. Высота пластины — 6,5 см, ширина — 6,4 см. Выгиб составляет — 1,5 см. Толщина металла около — 0,1 см.

В центре пластины расположено дугообразное ребро жёсткости. Нижняя сторона пластины имеет округлую форму и небольшой отгиб кромки наружу. У верхней стороны пластины фигурный край с двумя дугообразными вырезами. В правой верхней части фиксируется небольшая утрата (возможно, в этом месте пластины находилась ещё одна заклёпка). Изнутри пластины, в верхней части, имеется прикреплённый с помощью сохранившейся заклёпки один из фрагментов второй пластины.

Вторая пластина сохранилась в виде двух фрагментов. Один из фрагментов прикреплён заклёпкой к первой пластине, что указывает на то, что в древности пластины были между собой соединены в одной конструкции. Изначальная форма верхней пластины, по-видимому, отличалась от нижней. В то же время, несмотря на это, в обеих пластинах присутствуют некоторые схожие черты. В первую очередь, это относится к ребру в центральной части пластины и дугообразным вырезам в верхней кромке. На левом выступе верхней пластины, образованном вырезом, располагается заклёпка, подобная описанным выше. Реконструируемая высота всей пластины около — 5 см. Высота наибольшего фрагмента — 3,8 см, ширина — 4,9 см.

По нашему мнению, наибольшее сходство данные пластины имеют с пластинами защитных перчаток, прикрывающими основание большого пальца (Б.Тордемман называет такие пластины «the plate at the base of the thumb» [9, р. 419]). Для обоснования этой версии необходимо обратиться к подробному анализу формы верхней и отчасти нижней пластины.

Верхняя пластина, в отличие от нижней, сохранила только один дугообразный вырез. В реконструкции А.Ф.Медведева гипотетически предполагается существование и второго выреза.

Верхняя пластина в месте выреза имеет заметный небольшой отгиб кромки внутрь. Сочетание формы дугообразного выреза и отгиба кромки встречается в некоторых деталях защитных перчаток, что характерно, в пластинах, прикрывающих основание большого пальца. Отгиб дугообразной кромки внутрь встречен на пластинах перчаток № 3 (рис. 2, *б*) [9, р. 426] и № 4 (рис. 2, *в*) [9, р. 427] из Висбю, перчаток из замка Кюсснах, Швейцария (рис. 3, *а*) [9, р. 233], и замка Борингхольм, Дания (рис. 3, *б*) [9, р. 234]. Подобную форму, но без отгиба кромки, имеет и пластина перчатки № 2 из Висбю (рис. 3, *в*) [9, р. 422]. К тому же, на пластине перчатки № 3 из Висбю, судя по прорисовке в книге Б.Тордеммана, просматривается ребро жёсткости, что также сближает данную находку с нашими пластинами.

Итак, если наше предположение верно, и пластины, найденные на Неревском раскопе, действительно являющиеся частью защитной металлической перчатки, то логично предположить наличие второго дугообразного выреза, подобного имеющимся на пластинах перчаток № 2, № 3 и № 4 из Висбю. В этой связи стоит обратить внимание на обломанный край новгородской пластины, в месте, где заканчивается сохранившийся дугообразный вырез. При внимательном рассмотрении в этом месте заметна небольшая деформация, выраженная в отгибе кромки металла наружу. Сложно однозначно сказать, является ли отгиб кромки специально задуманным или это следствие механического воздействия, приведшего к поломке. Тем не менее, нечто подобное мы встречаем на пластине от перчатки № 3 из Висбю (рис. 2, *б*), у которой кромка полукруглого выреза отогнута наружу для шарнирного сочленения посредством заклёпок с одной из двух пластин, прикрывающих большой палец [9, р. 422].

Ещё одной интересной находкой является большая подтрапецевидная пластина с Неревского раскопа (рис. 3, з) (НГОМЗ КП 35338-1384, Неревский р-п, б/п). К сожалению, данная пластина депортирована, из-за чего затруднена её датировка и топографическая привязка в пределах границ Неревского раскопа.

Размеры пластины: высота 11,4 см; ширина 9,9 см. Вес: 38 г. Толщина металла около 0,1 см. Один из углов пластины отсечён по ломаной под тупым углом линии, в результате чего получился вырез, остальные три угла скруглены. Пластина снабжена двумя рядами заклёпок, по 3 заклёпки в каждом. Верхний ряд начинается на уровне угла выреза, другой расположен вдоль линии нижнего края. Характер заклёпок предполагает крепление пластины поверх несущего материала. Пластина немного выгнута, примерно вдоль оси, проходящей через центральные заклёпки верхнего и нижнего ряда. Высота выгиба — 1,7 см.

Ближе всего по форме и конструкции данная пластина напоминает пястные пластины (Б.Тордеман называет такие пластины «the metacarpal plate» [9, p. 414]) от защитных перчаток № 1 (рис. 3, д) [9, p. 417], № 5 (рис. 4, а) [9, p. 428], № 6 (рис. 4, б, в) [9, p. 430] и № 7 (рис. 4, з) [9, p. 430] из Висбю. Характерными признаками этих пластин являются: подтрапецевидная форма с ровной поверхностью, изгиб вокруг пястной части кисти, крепление поверх несущего материала-основы. Аналогичные признаки наблюдаются у новгородской пластины. Кроме этого, два ряда заклёпок и вырез в основании указательного пальца на пястной пластине перчатки № 5 указывают на некоторое сходство с рассматриваемой пластиной с Неревского раскопа. Справедливости ради, стоит отметить, что в публикации Б.Тордемана на графическом изображении пястной пластины от перчатки № 5 вырез в основании большого пальца подразумевается как утрата, и предполагаемый недостающий фрагмент обозначен пунктирной линией [9, p. 428]. Поэтому данный признак в качестве доказательства принадлежности пластины из Новгорода к деталям защитных перчаток можно считать действительным только в случае, если графическая реконструкция в публикации Б.Тордемана неверна.

С большой степенью вероятности можно утверждать, что некоторые категории вооружения, используемые в средневековье в Великом Новгороде, могли быть импортными. Это можно наблюдать на примере латных перчаток. Тем не менее, пока что у нас нет возможности оценить объём импорта вооружения поступавшего в Новгород, но факт его существования удалось подтвердить вещественно.

В некоторых случаях, как было показано в настоящей работе, датировка новгородских находок позволяет пересмотреть устоявшиеся представления о времени бытования аналогичных предметов (генезис металлических перчаток с большим количеством маленьких пластин в Европе).

Вопрос о влиянии западноевропейского и восточного типов защитного снаряжения, а, шире, и всего комплекса вооружения, на формирование древнерусского является перспективным направлением и

должен стать предметом специального комплексного исследования.

1. Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1959. Т. 2. С. 121-191.
2. Медведев А.Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская археология. М., 1959. № 2. С. 119-134.
3. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л., 1976. С. 36.
4. Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 317.
5. Алексинский Д.П., Жуков К.А., Бугагин А.М., Коровкин Д.С. Всадники войны. Кавалерия Европы. М., СПб., 2005. С. 257-258.
6. Салмина Е.В., Салмин С.А. Ольгинские I-III раскопы 2006 года на Завеличье средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар имени академика В.В.Медведева. Материалы LIII заседания (10-13 апреля 2007 года). Псков, 2008. С. 48. Рис. 18, 14.
7. Заяц Ю.А. Приспособления для защиты кисти руки в доспехе средневекового воина // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2006. № 22. С. 232-234.
8. Hefner-Alteneck von J.H., Wolf J.W. Die Burg Tannenberг und ihre Ausgrabungen. Frankfurt, 1850. Taf. X, E-F.
9. Thordeman B. Armour from the battle of Wisby 1361. Stockholm, 1939. Vol I: Text. P. 230-243.
10. Frey von J. Der Neufund eines Panzerhandschuhs aus der Burg ruine Hünenberг ZG: ein Beitrag zur typologischen Entwicklung der mittelalterlichen Schutzbewaffnung im 14. Jahrhundert // Mittelalter 14/3. Basel, 2009. P. 91-101.
11. Peine H.-W. Ein Blick in die Waffenkammer des Hauses Herbede an der Ruhr // Das Brigantinen-Symposium auf Schloss Tirol. Heft 3. Innsbruck, 2004. P. 67. Abb. 15.
12. Szpunar A., Glinianowicz M. Uzbrojenie późnośredniowieczne z zamku w Czchowiu w Małopolsce // Acta Militaria Mediaevalia. T.II. Kraków — Sanok, 2006. S. 149. Tabl. 6.
13. Mielczarek M., Nadolski A., Nowakowski A., Odoj R. Badania archeologiczne na Polach Grunwaldu w latach 1988-1990 // Studia Grunwaldzkie, T.2. Olsztyn, 1992. S. 85. Rys. 5.
14. Goll M. Mit Eiserner Faust. Der Freiburger "Faltenbunndelhandschuh". Genese, Werkstatt und Technologie. Norderstedt, 2009. S. 17.
15. Колчин Б.А., Рыбина Е.А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 196-199.
16. Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978. С. 119-120.
17. Рыбина Е.А. Западноевропейские находки XIII-XIV вв. из раскопок в Новгороде // Новгородские археологические чтения: Материалы науч. конф., посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В.Арциховского, Новгород, 28 сентября — 2 октября 1992 г. Новгород, 1994. С. 87.
18. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. М., 1966. (Археология СССР. Свод археологических источников [Вып.] E1-36). С. 94.
19. Рыбина Е.А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 211.
20. Кильдюшевский В.И. Оружие XIV—XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Раннесредневековые древности северной Руси и её соседей. СПб., 1999. С. 65-66.
21. Mäesalu A. Weapons in Otepää castle in 1396 // Castella Maris Baltici V. Rudkøbing, 2001. P. 92.
22. Zimmermann B. Mittelalterliche Geschosspitzen: kulturhistorische, archäologische und archäometallurgische Untersuchungen. Basel, 2000. S. 51-53.
23. Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963. С. 311; С. 315.

24. Дубровин Г.Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М., 2010. С. 38.

References

1. Medvedev A.F. Oruzhie Novgoroda Velikogo [Weapons of Veliky Novgorod]. Trudy Novgorodskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii [Proc. of the archeological expedition to Novgorod]. Moscow, 1959, vol. 2, pp. 121-191.
2. Medvedev A.F. K istorii plastinchatogo dospekha na Rusi [On the history of plate armor in Russia]. Sovetskaiia arkhеologiya, 1959, no. 2, pp. 119-134.
3. Kirpichnikov A.N. Voennoe delo na Rusi v XIII-XV vv. [Military arts in Russia in the 13th-15th centuries.]. Leningrad, 1976, p. 36.
4. Kirpichnikov A.N., Medvedev A.F. Vooruzhenie [Weapons]. Drevniaia Rus': Gorod, zamok, selo [Ancient Russia: town, castle, village]. Moscow, 1985, p. 317.
5. Aleksinskii D.P., Zhukov K.A., Butiagin A.M., Korovkin D.S. Vsadniki voiny. Kavaleriia Evropy [Horsemen of war. Cavalry of Europe]. Moscow, Saint Petersburg, 2005, pp. 257-258.
6. Salmina E.V., Salmin S.A. Ol'ginskii I-III raskopy 2006 goda na Zavelich'e srednevekovogo Pskova [The 1st-3d Olginsky digs made in 2006 in Zavelich'e of medieval Pskov]. Arkheologia i Istoriiia Pskova i Pskovskoi Zemli: Seminar imeni akademika V.V.Medvedeva. Materialy LIII zasedaniia (10-13 apreliia 2007 goda) [Proc. of the 53d Meeting in the name of academician V.V. Medvedev "Archaeology and History of Pskov and the Pskovian Land"]. Pskov, 2008, p. 48, fig. 18, 14.
7. Zaiats Iu.A. Prispособleniia dlia zashchity kisti ruki v dospekhe srednevekovogo voina [Accessory of the armor of a medieval warrior for protecting hand]. Gistarychna-arkhealagichny zbornik, Minsk, 2006, no. 22, pp. 232-234.
8. Hefner-Alteneck von J.H., Wolf J.W. Die Burg Tannenbergr und ihre Ausgrabungen. Frankfurt, 1850. Taf. X, E-F.
9. Thordeman B. Armour from the battle of Wisby 1361. Stockholm, 1939. Vol. 1: Text, pp. 230-243.
10. Frey von J. Der Neufund eines Panzerhandschuhs aus der Burgruine Hünenberg ZG: ein Beitrag zur typologischen Entwicklung der mittelalterlichen Schutzbewaffnung im 14. Jahrhundert. Mittelalter 14/3. Basel, 2009, pp. 91-101.
11. Peine H.-W. Ein Blick in die Waffenkammer des Hauses Herbede an der Ruhr. Das Brigantinen-Symposium auf Schloss Tirol. Heft 3, Innsbruck, 2004, p. 67, abb. 15.
12. Szpunar A., Glinianowicz M. Uzbrojenie późnośredniowieczne z zamku w Czchowie w Małopolsce. Acta Militaria Mediaevalia. Vol. 2, Kraków — Sanok, 2006, p. 149, tabl. 6.
13. Mielczarek M., Nadolski A., Nowakowski A., Odoj R. Badania archeologiczne na Polach Grunwaldu w latach 1988-1990. Studia Grunwaldzkie, Vol. 2, Olsztyn, 1992, p. 85, fig. 5.
14. Goll M. Mit Eiserner Faust. Der Freiburger "Faltenbunndelhandschuh". Genese, Werkstatt und Technologie. Norderstedt, 2009, p. 17.
15. Kolchin B.A., Rybina E.A. Raskop na ulitse Kirova [Digs at Kirov Str.]. Novgorodskii sbornik: 50 let raskopok Novgoroda [Collected works: The 50th Anniversary of excavations in Novgorod]. Moscow, 1982, pp. 196-199.
16. Rybina E.A. Arkheologicheskie ocherki istorii novgorodskoi trgovli X—XIV vv. [Archaeological essays on the history of Novgorodian trade in the 10th-14th centuries]. Moscow, 1978, pp. 119-120.
17. Rybina E.A. Zapadnoevropeiskie nakhodki XIII-XIV vv. iz raskopok v Novgorode [West-European findings of the 13th-15th centuries from the digs in Novgorod]. Novgorodskie arkhеologicheskie chteniia: Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 60-letiiu arkhеologicheskogo izucheniia Novgoroda i 90-letiiu so dnia rozhdeniia osnovatel'ia Novgorodskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii A.V. Artsikhovskogo [Proc. of the Scient. Conf. Devoted to the 60th Anniversary of Archaeological Exploration of Novgorod and the 90th Anniversary of A.V. Artsikhovskiy, the founder of the Novgorod Archaeological Expedition "Archaeological Readings from Novgorod"]. Novgorod, 1994, p. 87.
18. Medvedev A.F. Ruchnoe metatel'noe oruzhie (Luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. [Hand missile weapon of the 8th-14th centuries (bow and arrows, arbalest)]. Arkheologia SSSR [Archaeology of the USSR]. Iss. E1-36, Moscow, 1966, p. 94.
19. Rybina E.A. Gotskii raskop [Gothic digs]. Arkheologicheskoe izuchenie Novgoroda [Archaeological Exploration of Novgorod]. Moscow, 1978, p. 211.
20. Kil'diushevskii V.I. Oruzhie XIV—XVI vv. iz raskopok kreposti Oreshkek [Weapons of the 14th-16th centuries from the digs in the fortress of Oreshkek]. Rannesrednevekovyye drevnosti severnoi Rusi i ee sosedei [Early middle-ages antiquities of North Russia and the neighborhood]. Saint Petersburg, 1999, pp. 65-66.
21. Mäesalu A. Weapons in Otepää castle in 1396. Castella Maris Baltici V. Rudkøbing, 2001, p. 92.
22. Zimmermann B. Mittelalterliche Geschosspitzen: kulturhistorische, archäologische und archäometallurgische Untersuchungen. Basel, 2000, pp. 51-53.
23. Khoroshkevich A.L. Torgovlia Velikogo Novgoroda s Pribaltikoi i Zapadnoi Evropoi v XIV—XV vekakh [Veliky Novgorod's trade with the Baltic states and Western Europe in the 14th-15th centuries]. Moscow, 1963, p. 311, 315.
24. Dubrovin G.E. Nikitinskii raskop v Novgorode [Nikitinsky digs in Nivgorod]. Moscow, 2010, p. 38.